

Индекс УДК 316.356.2 + 314.8

Код ГРНТИ 04.51

DOI: 10.22204/2587-8956-2026-125-02-44-58

**И.С. ШАПОВАЛОВА,
Ж.О. БЛАГОРОЖЕВА***

Матримониальные стратегии городской и сельской молодёжи: кто будет улучшать демографию?

Статья посвящена верификации различий в матримониальных диспозициях, жизненных планах и уровне поддержки альтернативных матримониальных идеологий среди молодёжи разных поселений. Эмпирическую базу составили результаты мониторинга социальных стратегий молодёжи, проведённого в декабре 2025 г. в Белгородской области (N = 5000; квотная выборка, репрезентирующая пол, возраст, тип поселения и территорию проживания).

Полученные результаты фиксируют доминирование традиционного матримониального типа во всех типах поселений, но определяют его преимущество для сельской молодёжи. Однако высокая брачная интенция на селе сочетается с унификацией репродуктивных норм. Также выявлен систематический разрыв между готовностью заботиться о престарелых родителях и ожиданием аналогичной заботы от собственных детей, достигающий максимальной величины в сельской местности. Альтернативные матримониальные стратегии наиболее распространены в небольших городах, что позволяет говорить о «синдроме небольшого города» как об особой зоне институционального риска.

Основные выводы статьи опровергают гипотезу о сельской молодёжи как о приоритетном демографическом ресурсе: традиционные ценностные установки на селе не конвертируются в многодетность из-за унификации репродуктивных норм и инфраструктурного дефицита, тогда как городская молодёжь, обладая ресурсами, демонстрирует рациональный переход к однодетной модели. Межпоколенческая асимметрия на селе создаёт феномен «последнего традиционного поколения», принимающего на себя обязательства перед старшими без возможности получить симметричную поддержку от младших. Политические импликации исследования требуют смещения фокуса семейно-демографической политики с географического адресата на структурные и ресурсные барьеры, которые дифференцируют молодёжь не по поселенческому, а по социально-экономическому признаку.

Ключевые слова: сельская молодёжь, городская молодёжь, матримониальные стратегии, матримониальные диспозиции, жизненные планы, жизненные стратегии

* **Шапвалова Инна Сергеевна** — доктор социологических наук, заведующая кафедрой социологии и работы с молодёжью Белгородского государственного национального исследовательского университета (НИУ БелГУ).

E-mail: shapovalova@bsuedu.ru

Благорожева Жанна Олеговна — доцент, старший преподаватель кафедры социологии и работы с молодёжью НИУ БелГУ.

E-mail: blagorozheva@bsuedu.ru

В условиях устойчивого демографического кризиса, усугублённого последствиями постсоветских трансформаций, пандемии COVID-19 и геополитической нестабильности, проблема воспроизводства населения в России приобретает характер экзистенциального вызова. Государственные меры поддержки рождаемости демонстрируют ограниченную эффективность именно потому, что апеллируют преимущественно к экономическому рационализму, игнорируя глубинные ценностные сдвиги в сфере брачного поведения. Ключевым звеном в цепи демографического будущего выступает молодёжь — та группа, чьи репродуктивные планы и матримониальные стратегии определяют конфигурацию населения на ближайшие 20–30 лет.

В общественном и политическом дискурсе устойчиво воспроизводится представление о «традиционном селе» как о резерве демографического воспроизводства. Согласно данной точке зрения, сельская среда, в меньшей степени затронутая городским индивидуализмом, ориентацией на гедонистические ценности и карьерные приоритеты, закономерно должна продуцировать более ранние браки молодёжи, приверженность многодетной модели и, соответственно, обеспечивать положительную динамику численности населения. Однако эмпирическая статистика не подтверждает этого ожидания: депопуляция на российском селе опережает аналогичные городские процессы, а уровень сельской рождаемости снижается синхронно с миграционным оттоком молодых когорт в городские агломерации.

Таким образом, проблемный узел исследования образует расхождение между приписываемой молодёжи ролью драйвера демографического возрождения и реальным, зачастую внутренне противоречивым репертуаром матримониальных стратегий. Эти стратегии различаются не столько по формальному признаку «город против села», сколько по таким параметрам, как доступность ресурсов,

степень автономии от нормативного давления и конкретная конфигурация ценностных ориентаций молодых людей. Вопрос «кто будет поднимать демографию?» приобретает не риторический, а сугубо прикладной характер: *потенциал есть и у городской, и у сельской молодёжи, но реализуется он лишь при снятии структурных ограничений, которые сегодня рассекают общество не по географическому, а по социально-экономическому признаку*. Данная статья представляет собой попытку эмпирически верифицировать эти различия и предложение неидеологизированной оценки матримониальных стратегий как предиктора демографического будущего России.

Методология и методы исследования

Тема изучения матримониальных стратегий молодёжи, под которыми мы понимаем «формируемый у молодёжи и реализуемый в определённых условиях комплекс матримониальных установок и мотивов, ценностных диспозиций, моделей поведения, жизненного планирования и выборов, связанных с матримониальными отношениями» [1], широко представлена в пространстве научного дискурса и исследовательской повестки.

Содержание большинства научных работ в данной области сосредоточено вокруг ценностных ориентаций, мотивационных компонентов и установочных комплексов, определяющих брачное поведение молодёжи. В ряде публикаций, которые можно рассматривать в качестве методологической опоры для выработки национальных подходов, анализируются семейные ценности подрастающих поколений [2], а также брачно-семейные стратегии [3, 4]. Значительный пласт исследований отведён репродуктивным установкам молодых людей. Здесь следует указать работы Т.К. Ростовской (в соавторстве с Е.А. Князьковой, 2021), Л.А. Поповой [5], а также результаты, полученные коллективом под руководством Ю.Р. Вишневого [6].

В контексте темы статьи важен аспект исследования различных групп молодёжи и их стратификационного влияния на выбор матримониальных стратегий. Безусловно, в этом отношении более всего привлекает внимание студенческая молодёжь — группа, находящаяся на фронтире перехода к реальному воспроизводству матримониальных планов [7, 8].

Исследовательский дизайн ряда научных работ строится на сравнении матримониальных планов городской и сельской молодёжи. В этом контексте можно обратить внимание на работу Т.А. Гурко и В.А. Таранченко, в которой исследуются динамика брачных установок и планов студентов и делается вывод, что тип поселения не сильно влияет на матримониальные планы студенческой молодёжи [9].

В работе А.А. Шабуновой, О.Н. Калачиковой и М.А. Груздевой также обращается внимание на то, что представления о семье и браке у городской и сельской молодёжи в целом сходны: для обеих групп характерны установки на малодетность и толерантное отношение к незарегистрированным сожительством. Вместе с тем, по мнению указанных авторов, сельские респонденты демонстрируют большую «семейноориентированность», при создании соответствующих условий они в большей степени готовы к многодетности и более позитивно реагируют на меры государственной поддержки [10]. А.А. Вялышина в своей научной статье отмечает стратификационные особенности того, что молодые женщины из сельской местности в большей степени ориентированы на семью, в то время как молодые мужчины из городской местности — наименее заинтересованная в семье группа [11].

Несмотря на достаточно широкую представленность темы изучения матримониальных установок молодёжи в научной периодике, есть определённый дефицит исследования жизненных стратегий относительно вариативного спектра матримониальных диспозиций, который, в том числе, включает выбор и альтер-

нативных матримониальных стратегий, с ориентацией на влияние поселенческого фактора. Целью статьи в связи с этим становится освещение полного спектра матримониальных планов молодёжи на основе поселенческой стратификации и определение рисков и прогноза для демографической ситуации при вероятностной реализации матримониальных устремлений городской и сельской молодёжи.

Для реализации цели статьи были использованы материалы мониторинга социальных стратегий молодёжи (который проводит Международный центр социологических исследований Белгородского государственного национального исследовательского университета). В статье показаны результаты исследования 2025 г. Респондентами онлайн-опроса стала региональная молодёжь Белгородской области в количестве 5000 человек, выборка квотная по отношению к полу, возрасту, типу поселения и территории проживания респондентов (районы Белгородской области). В качестве распределения типов поселений предложена градация: крупный город (от 250 тыс. человек), малый город (до 50 тыс. человек, включая посёлки городского типа) и сельское поселение (включающее посёлки, сёла, деревни и хутора).

Показателями исследовательской модели для темы статьи выступают матримониальные стратегии, элементами которых стали матримониальные диспозиции и планы молодёжи. Матримониальные диспозиции позволили разделить молодёжь на типы по принципу важности института семьи и ориентации на её традиционность. Вопросы, касающиеся жизненного планирования, были даны в табличной форме, с обязательной оценкой каждого выбора по шкале «обязательно», «желательно», «не обязательно». Инструкция к вопросу звучала следующим образом: «Насколько важно для вас в будущем предпринять следующие шаги, где “обязательно” значит, что Вы не будете считать себя состоявшимся в жизни без выполне-

ния этого условия». Результаты предыдущих исследований были отражены в публикациях коллектива [12–14].

Типы матримониальных диспозиций молодёжи города и села — приоритет выбора традиционной семьи

Основой типологизации матримониальных стратегий региональной молодёжи стало выделение групп с разными типами матримониальных диспозиций:

- «традиционный тип, отличающийся приверженностью традиционным семейным ценностям, традиционной семье и распределению ролей между мужчиной и женщиной;
- либеральный тип, показывающий определённые свободы в выборе матримониальных стратегий, вольное восприятие семьи, приверженность к альтернативным матримониальным идеологиям;
- эгоцентричный тип, для которого семья не является приоритетной ценностью, гораздо более значима ценность самореализации;
- неформальный тип, отрицающий институт семьи и брака, не считающий семью в её традиционном понимании значимой ценностью» [1].

Традиционный тип, характеризующийся безусловным приоритетом нуклеарной семьи с детьми и патриархальной ролевой структурой, является доминирующим во всех типах поселений (в среднем 61%). Однако максимальное значение данного показателя фиксируется в сельской местности и посёлках (63,1%), что на два процентных пункта превышает аналогичный показатель в крупных городах (ил. 1). Можно сказать, что традиционная матримониальная диспозиция остаётся генеральной линией для абсолютного большинства региональной молодёжи независимо от места проживания, но молодёжь сельской местности демонстрирует несколько более высокую приверженность традиционному семейному укладу, что может объясняться сохраняющейся там институциональной преемственностью,

меньшей степенью анонимности социального контроля и относительно более поздним проникновением индивидуалистических нарративов.

Либеральный тип матримониальных диспозиций, предполагающий признание важности семьи при одновременной легитимации альтернативных форм семейного устройства и свободы индивидуального выбора, представлен 26,7% опрошенных в среднем массиве. Наиболее высокие значения этого типа наблюдаются в небольших (районных) городах (27,6%) и крупных (областных) центрах (27,7%), тогда как в крупном городе он минимален (24,4%).

Стоит обратить внимание на следующее обстоятельство. Показатели либерального типа матримониальных диспозиций в небольших городах и сельской местности оказываются близки, тогда как традиционализм на селе выражен сильнее. Это даёт основание говорить о неоднородной, отчасти противоречивой картине: для сельской молодёжи одновременно фиксируются как наиболее консервативные, так и вполне либеральные установки. Одно из вероятных объяснений связано с эффектом возвратной образовательной миграции. Молодёжь, уезжавшая на учёбу в города и возвратившаяся обратно, приносит с собой либеральные нарративы, которые накладываются на местный консервативный уклад и сосуществуют с ним.

Эгоцентричный тип свойствен в среднем 7,9% опрошенных. Именно по этому показателю прослеживается наиболее чёткий градиент «город—село». Подобное распределение полностью соответствует теоретическим ожиданиям. В городской среде для молодёжи шире представлены возможности получения образования, построения карьеры, досуговой самореализации и отложенного родительства, что формирует у части молодых людей ориентацию на перенос брачно-репродуктивных событий на более поздний возраст либо на замещение их другими формами самореализации.

Ил. 1. Матримониальные диспозиции молодёжи разных типов поселений
(составлено авторами)

Сельская же среда, напротив, отличается меньшей институциональной насыщенностью в плане ресурсов саморазвития, что объективно ориентирует молодого человека на более раннюю семейную траекторию.

Неформальный тип, отрицающий институт семьи как таковой и рассматривающий брак как избыточные формальности и ограничения, является наименее распространённым во всех типах поселений (в среднем 3,7%). При этом максимальная доля приходится на крупные города (4,4%), минимальная характерна для молодёжи из сельской местности (3%). Содержательно это означает, что радикальный разрыв с институтом семьи встречается скорее как феномен мегаполисной культуры, связанный с высокой степенью анонимности, альтернативными идеологиями (чайлдфри, безбрачие и др.) и доступом к неконвенциональным нарративам. На селе даже при фактическом нежелании вступать в брак молодёжь реже артикули-

рует это в форме принципиального отрицания семейной ценности, скорее, имеет место откладывание брака по экономическим или жилищным причинам, но не его онтологическое отвержение.

Матримониальные планы молодёжи разных поселений

Представленные данные являются фрагментом более широкого исследования матримониальных диспозиций региональной молодёжи и позволяют перейти от фиксации целевых установок к анализу конкретных жизненных планов (брачных намерений, репродуктивных ожиданий и межпоколенческих солидарностей). Именно разрыв между декларируемыми ценностями и планируемыми действиями представляет собой главный эпистемологический вызов для демографической социологии: традиционные установки могут сосуществовать с низкими репродуктивными планами, тогда как либеральные ценностные ориентации – с высокими

показателями ожидаемой рождаемости при наличии соответствующих институциональных условий.

Исследовательская модель предполагала вариативность выбора для каждого элемента матримониального жизненного планирования (респонденты могли выбрать ответы «обязательно», «желательно», «не обязательно»). При анализе мы будем ориентироваться только на максимально важный выбор («обязательно»), хотя, безусловно, значение имеет и выбор «желательно». Намерение вступить в зарегистрированный брак демонстрирует отчётливый градиент «село—город»: максимальное значение фиксируется для молодёжи в сельских поселениях (63,9%), минимальное — для молодёжи крупных городов (60,2%). Данный результат коррелирует с ранее выявленным доминированием традиционного матримониального типа именно в сельской местности. Однако из этого, на первый взгляд, обнадёживающего факта нельзя делать прямых демографически оптимистических выводов. Высокая брачная интенция на селе при одновременном хроническом превышении смертности над рождаемостью, миграционном оттоке наиболее репродуктивно активных когорт и дефиците брачных партнёров (особенно для женщин) свидетельствует о феномене нереализованного брачного потенциала. Сельская молодёжь намерена вступать в брак, но объективные структурные ограничения трансформируют эти планы либо в отсроченный брак (уже за пределами активного репродуктивного возраста), либо в фактически компенсаторные формы сожителства без регистрации. Таким образом, высокая брачная интенция на селе не эквивалентна высокой брачной реализации.

Репродуктивные ожидания молодёжи представляют собой наиболее тревожный сегмент анализа. Планы «иметь одного ребёнка» занимают доминирующую позицию (в среднем 52,7%), что почти вдвое превышает доли планирующих двух (32,7%), трёх (17,1%) и более трёх

(14,9%) детей. Важно отметить, что речь идёт не об окончательном репродуктивном исходе, а о нижней планке ожиданий, при суммировании ответов перекрёстно один респондент мог выбрать несколько вариантов, однако превалирование одной модели бесспорно.

В крупных городах доля планирующих одного ребёнка (53,3%) несколько выше среднего показателя, тогда как доля планирующих двух и более детей — ниже. Городская молодёжь демонстрирует классическую для постиндустриальных обществ модель «качественного родительства»: предпочтение инвестиций в человеческий капитал одного-двух детей экспансивному многодетному поведению. Высокие издержки содержания и образования детей в городской среде, конкуренция с карьерными траекториями и жилищный вопрос формируют аттитюд репродуктивной сдержанности.

Для сельской молодёжи картина более противоречива. С одной стороны, доля планирующих двух детей максимальна (34,4%), а планирующих одного ребёнка близка к городским значениям (54,1%). С другой — доля планирующих трёх детей (15,9%) и более трёх (13,9%) в сельской местности ниже, чем в небольших городах, и сопоставима с крупными городами по позиции «более трёх». Этот факт разрушает стереотип о сельской многодетности как имманентной характеристике. Современная сельская молодёжь, даже сохраняя традиционные матримониальные ценности, перенимает репродуктивные нормы городского общества: «демографический переход» на селе практически завершён, и традиционная многодетность уступила место малодетной модели, которую не компенсирует даже более высокая брачная интенция.

Важным для целей статьи является и освещение вопросов, связанных с межпоколенческой солидарностью. Под межпоколенческой солидарностью в данном исследовании понимается система установок, предписывающих или предпо-

лагающих оказание практической помощи представителям старших и младших поколений, включая совместное проживание, уход в период немощи и финансовую поддержку. В соответствии с моделью В. Бенгстона, выделяют структурную, ассоциативную, функциональную и нормативную солидарность, и представленные эмпирические данные операционализируют две последние: функциональную (готовность к совместному проживанию и уходу) и нормативную (ожидание аналогичной помощи от собственных детей).

Так, ответы на вопросы о совместном проживании с детьми в старости и с престарелыми родителями в случае их болезни выявляют устойчивый патриархально-солидаристский паттерн: 40,5% молодёжи в среднем готовы к проживанию с нуждающимися родителями, причём максимальный показатель характерен для сельской молодёжи (42,8%). Готовность к опеке над престарелыми родителями в 2,6 раза превышает ожидания аналогичной помощи от собственных будущих детей (15,4%). Этот разрыв фиксирует феномен асимметричной межпоколенческой трансакции: молодёжь принимает на себя обязательства по отношению к старшему поколению (традиционная норма реципрокности), но не проецирует эти обязательства на будущие поколения. Таким образом, респонденты, с одной стороны, признают для себя обязательность ухода за стареющими родителями, а с другой стороны, их собственные репродуктивные ожидания не простираются далее одного-двух детей. Подобное сочетание факторов в долгой временной перспективе создаёт предпосылки для развёртывания «демографической спирали»: численность каждого нового поколения оказывается меньше предыдущего, тогда как бремя, лежащее на механизмах межпоколенческой поддержки, неуклонно растёт.

Если обратиться к показателям готовности совместно проживать с немощными или утратившими самостоятельность

пожилыми родителями, то максимальные величины обнаруживаются именно у молодёжи из сельских населённых пунктов. Повышенная склонность сельских респондентов к проживанию с нуждающимися в уходе представителями старших поколений формируется под влиянием трёх групп факторов.

К первой относятся обстоятельства *институционального порядка*. В деревне до сих пор воспроизводится расширенная семейная модель, при которой проживание нескольких поколений под одной крышей воспринимается не столько как индивидуальный выбор, сколько как нормативное предписание, подкреплённое к тому же отсутствием реальных альтернатив (дефицит учреждений стационарного социального обслуживания, труднодоступность услуг профессиональных сиделок). Отказ от подобной формы солидарности в сельском сообществе чреват серьёзными репутационными потерями.

Вторую группу формируют *экономические факторы*: низкие доходы сельского населения и высокая стоимость платного ухода делают внутрисемейную заботу единственной доступной стратегией. Кроме того, сохранение домохозяйства с пожилыми родителями позволяет молодым семьям пользоваться подсобным хозяйством и жилым пространством, что снижает экономические риски.

Третья группа представлена *ценностным аспектом*: сельская молодёжь демонстрирует более высокую приверженность традиционному матримониальному типу, компонентом которого является норма реципрокности между поколениями.

Показатель ожидания совместного проживания со своими детьми в старости демонстрирует обратную градиентность: максимальное значение получено в небольших городах (17,0%), минимальное — для сельской молодёжи. На первый взгляд, именно сельская молодёжь, наиболее приверженная традиционным ценностям, должна была бы демонстри-

Таблица

**Жизненные планы молодёжи разных поселений в реализации
матримониальных стратегий (обязательный выбор)**

Жизненные планы	Крупный город	Небольшой город	Сельское поселение	Общие данные
Жениться/выйти замуж	60,2	61,1	63,9	61,8
Иметь одного ребёнка	53,3	50,7	54,1	52,7
Иметь двух детей	31,5	31,8	34,4	32,7
Иметь трёх детей	17,4	18,1	15,9	17,1
Иметь более трёх детей	14,7	16,2	13,9	14,9
Жить совместно со своими детьми в старости	15,5	17	13,8	15,4
Жить вместе с престарелыми родителями в случае их болезни и немощи	38,0	40,3	42,8	40,5

Источник: составлено авторами.

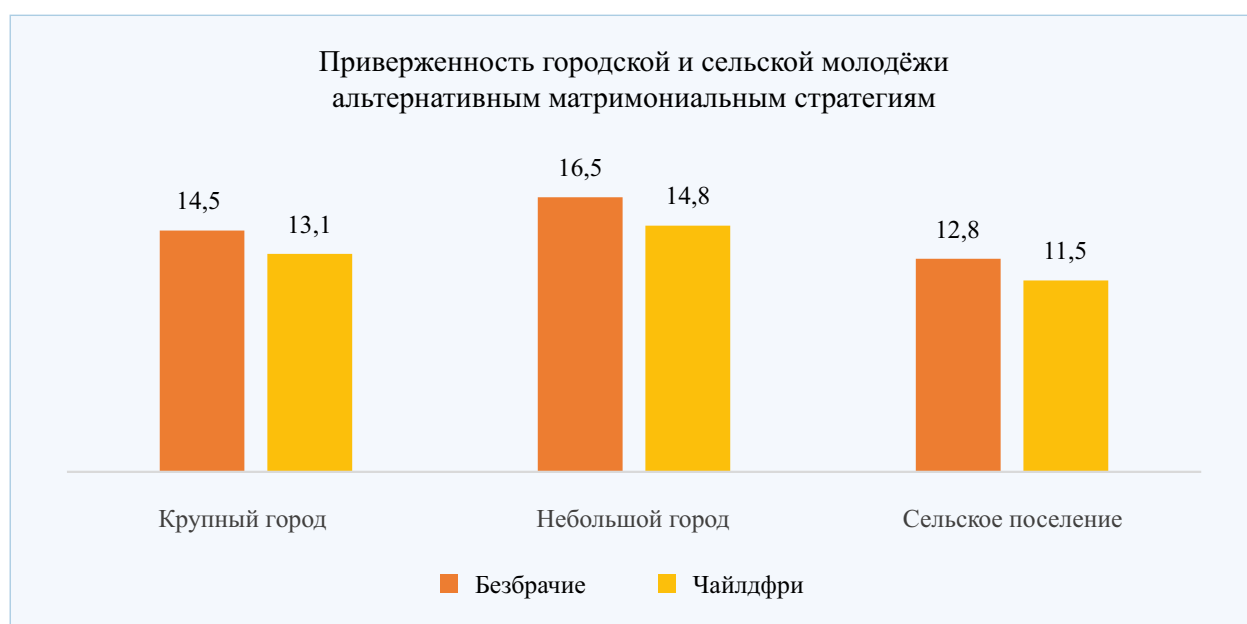
ровать самые высокие ожидания заботы от детей. Однако эмпирические данные опровергают эту гипотезу. Предлагается следующее объяснение: сельская молодёжь, планируя одного-двух детей (как показано в таблице), имплицитно осознаёт ограниченность ресурса семейной заботы в будущем. Ожидать совместного проживания в старости от единственного ребёнка, который может мигрировать в город или быть связанным собственной семьёй, — стратегия, воспринимаемая как неуверенная. Сельская молодёжь, таким образом, демонстрирует *реалистичный пессимизм* в отношении будущей межпоколенческой поддержки.

Центральный вывод, к которому подводит анализ эмпирических данных, определяет наличие устойчивого разрыва между декларируемой готовностью заботиться о родителях и ожиданием аналогичной заботы со стороны собственных детей. Соотношение этих двух показателей (первый ко второму) составляет в среднем по выборке около 2,6. Наиболее выражена эта асимметрия в сельской местности: здесь 42,8% опрошенных выражают готовность к уходу за старшим поколением против 13,8%, ожидающих ухода от детей (разрыв в соотношении достигает 3,1).

Подобное расхождение свидетельствует, на наш взгляд, о глубинной трансформации структуры межпоколенческих

обязательств, которую правомерно интерпретировать в понятийных рамках концепции «сжатия солидарности». Молодые люди признают за собой долг перед представителями старших поколений, но при этом не проецируют аналогичные обязательства на будущее. В такой асимметрии нет оснований усматривать сугубо эгоцентрическую мотивацию. Она скорее воспроизводит объективное противоречие между, с одной стороны, всё ещё действующей нормативной системой, предписывающей заботу о немощных родителях, и, с другой стороны, изменившимися демографическими реалиями (прежде всего малодетностью и высокой географической мобильностью), которые делают полноценную симметричную реципрокность между поколениями практически неосуществимой. Максимальный разрыв такой солидарности в сельской местности свидетельствует о наиболее остром институциональном конфликте: традиционная норма заботы о родителях здесь сохраняется в более сильной форме, тогда как репродуктивные планы (как показано в предыдущем анализе) уже не обеспечивают будущего ресурса для аналогичной заботы. Сельская молодёжь оказывается в позиции «последнего традиционного поколения», она будет выполнять обязательства перед своими родителями, но не сможет (и, по-видимо-

Ил. 2. Выбор альтернативных матримониальных стратегий молодёжью разных типов поселений, %

(Источник: составлено авторами)

му, не ожидает) получить аналогичную поддержку от собственных детей.

Анализ распространённости альтернативных матримониальных стратегий среди городской и сельской молодёжи

Под альтернативными матримониальными стратегиями в данном анализе понимаются социально значимые модели поведения, отклоняющиеся от институционализированной траектории, самые важные из которых — это брак и рождение детей. Здесь, говоря об альтернативных стратегиях, мы имеем в виду сознательное безбрачие (отказ от поиска партнёра и вступления в зарегистрированный брак как долгосрочная жизненная стратегия) и идеологию чайлдфри (сознательный отказ от рождения детей при сохранении партнёрских отношений либо при любых обстоятельствах). Данные стратегии представляют собой наиболее радикальные формы дестандартизации семейно-брачного жизненного цикла и маркируют границы распространения индивидуалистических ценностей в молодёжной среде (подробнее о выборе альтернативных

стратегий молодёжью можно прочесть в статьях авторского коллектива [15]).

В исследовательском дизайне респондентам был предложен вопрос «Поддерживаете ли Вы данные взгляды и идеологии?», ответы на который позволяли выяснить не только уровень поддержки, но и определить приверженность молодёжи данным матримониальным альтернативам (ответы: «Полностью поддерживаю, являюсь приверженцем», «Поддерживаю частично, главное, чтобы меня не касалось», «Не поддерживаю вообще», «Затрудняюсь ответить»). На данном этапе анализа мы будем рассматривать только максимально положительные ответы, чтобы определить уровень приверженности этим теориям среди региональной молодёжи (ил. 2).

Наиболее высокий показатель выбора стратегии безбрачия фиксируется в небольших городах (16,5%), наиболее низкий — для сельской молодёжи (12,8%), тогда как крупные города занимают срединную позицию. Повышенная доля безбрачных установок в малых городах при сравнительно более низких показателях в крупных городах и на селе представля-

ет собой нетривиальный результат, требующий содержательной экспликации. Возможно, для небольших городов характерна структурная асимметрия брачного рынка: наиболее образованные и мобильные когорты молодёжи (как мужчин, так и женщин) мигрируют в областные центры, тогда как оставшаяся часть сталкивается с ограниченным кругом потенциальных партнёров при сохранении высоких стандартов партнёрского выбора, сформированных под влиянием масс-медиа и социальных сетей. В результате часть молодёжи предпочитает стратегию безбрачия как «второй лучший» вариант (по терминологии П. Штомпки), как компромисс между неспособностью найти приемлемого партнёра и нежеланием снижать критерии выбора.

Также актуальной может быть и гипотеза аномии. Небольшие города переживают наиболее острый институциональный разрыв между распадом традиционной системы брачных практик (сватовство, посредничество старших) и несформированностью альтернативных механизмов знакомств (развитая цифровая инфраструктура онлайн-дейтинга характерна для крупных городов, тогда как в райцентрах её проникновение ниже). Эта институциональная пустота продуцирует фрустрацию и отказ от брачного поиска.

Вместе с этим минимальный уровень безбрачных установок на селе не должен трактоваться как однозначно позитивный индикатор. Скорее, он отражает сохраняющееся социальное давление в пользу брака, как феномен матримониального принуждения, при котором даже при отсутствии внутренней мотивации к браку открытое декларирование безбрачия является социально неодобряемым. Сельская молодёжь может скрывать безбрачные установки или не рефлексировать их как осознанную стратегию, оставаясь в латентном статусе «не нашедших партнёра» без формирования идентичности добровольно безбрачного субъекта.

Если рассматривать распространённость идеологии чайлдфри среди молодёжи, то здесь, в отличие от безбрачия, прослеживаются достаточно отчётливые различия между молодёжью разных поселений. При усреднённом значении 13,1% сельская молодёжь демонстрирует наименьшую вовлечённость в данную репродуктивную альтернативу, тогда как пик показателя вновь приходится на небольшие города.

Чайлдфри как система взглядов основана на рефлексивном отказе от родительства как нормативного жизненного сценария. Такая позиция требует, во-первых, сравнительно высокого образовательного уровня, во-вторых, доступа к неконвенциональным дискурсам (включая феминистическую, экзистенциальную, экологическую аргументацию) и, в-третьих, относительной независимости от традиционных институтов, осуществляющих социальный контроль. Крупные города, концентрирующие образовательные ресурсы и многообразие стилей жизни, в силу перечисленных причин закономерно имеют более высокую долю приверженцев чайлдфри по сравнению с сельской местностью. Тем не менее максимальное значение, зафиксированное в малых городах (14,8%), ставит под сомнение линейную гипотезу, согласно которой чем больше населённый пункт, тем шире распространение альтернативных матримониальных установок. Одно из правдоподобных объяснений заключается в следующем. Небольшие города зачастую выступают местом оседания мигрирующей сельской молодёжи, уже порвавшей с традиционным укладом, но ещё не адаптировавшейся к городским механизмам в полной мере. Для этой категории молодёжи декларация чайлдфри может служить способом символического дистанцирования от прежней среды, маркером отличия от родительской модели семьи. В крупных же городах, где альтернативная культура уже устоялась и институционализировалась, идентичность чайлдфри требует более развёрнутого

обоснования и сопряжена с большими издержками её поддержания.

Заключение

Эмпирические данные однозначно опровергают гипотезу о сельской молодёжи как «демографическом спасательном круге»: высокая брачная интенция на селе не конвертируется в многодетность из-за унификации репродуктивных норм с городскими и инфраструктурного дефицита. Городская молодёжь, обладая ресурсами, демонстрирует целенаправленный переход к однодетной модели как рациональной стратегии в условиях высокой конкуренции за статус и качество жизни. Без преодоления разрыва между традиционными ценностными установками и либеральными репродуктивными практиками ни город, ни село не обеспечат демографического подъёма.

Межпоколенческая солидарность, фиксируемая через готовность к совместно-му проживанию и уходу, по-прежнему наиболее сильно выражена в сельской местности, но именно здесь асимметрия между «обязательствами перед прошлым» и «ожиданиями от будущего» достигает максимальной величины. Сельская молодёжь оказывается наиболее социально ответственна по отношению к старшему поколению и одновременно наиболее уязвима в долгосрочной перспективе, поскольку не имеет демографического ресурса для получения симметричной поддержки.

У городской молодёжи, при внешне более скромных показателях солидарности, обнаруживаются два компенсирующих обстоятельства. Во-первых, спектр практикуемых форм помощи здесь шире и не ограничивается совместным проживанием. Во-вторых, более высокий уровень доходов позволяет прибегать к оплачиваемому формальному уходу. Следовательно, парадокс межпоколенческой солидарности можно сформулировать так: наиболее выраженная нормативная солидарность (характерная для молодёжи

сельских поселений) соседствует с наименьшими ресурсными возможностями для её будущей реализации, тогда как внешне ослабленная солидарность (свойственная городской молодёжи) подкрепляется большими ресурсными возможностями для замещения неформальной заботы формальной.

Говоря о выборе альтернативных матримониальных стратегий, становится очевидно, что молодёжь сельских территорий демонстрирует минимальные показатели по обоим выборам (и безбрачие, и чайлдфри), что формально делает сельскую молодёжь наименее подверженной радикальным альтернативам. Однако это сочетается с доминированием однодетной репродуктивной модели, что в итоге не создаёт демографического преимущества. Наиболее тревожным является синдром небольшого города: именно здесь фиксируются максимальные показатели для матримониальных альтернатив. Небольшие города, не обладая компенсаторными механизмами крупных агломераций (высокая мобильность, развитая инфраструктура знакомств, психологическая поддержка) и утратив защитные механизмы традиционной сельской общины, формируют среду, наиболее благоприятную для институционализации альтернативных матримониальных стратегий. Этот вывод имеет прямое политическое измерение: районные центры, традиционно выпадавшие из фокуса семейно-демографической политики (уступая внимание либо мегаполисам, либо селу), оказываются наиболее уязвимой группой.

В связи с планируемыми молодёжью разных поселений жизненными траекториями можно говорить о демографических перспективах и прогнозах. В качестве потенциалов для развития демографии стоит отметить сохранение высокой брачной интенции, особенно в сельской местности, что означает наличие нереализованного институционального спроса на брак, который при целенаправленной политике может быть конвертирован

в репродуктивное поведение. Высокая готовность к межпоколенческой поддержке свидетельствует о сохранении семейных связей как ресурса социальной устойчивости, который может быть задействован для снижения издержек родительства (бабушки и дедушки как агенты неформального ухода).

Экстраполяция выявленных паттернов на горизонт 2040–2050 гг. позволяет сформулировать следующие прогностические тезисы:

- деурбанизации репродуктивного поведения не произойдёт: сельская молодёжь будет воспроизводить городские репродуктивные нормы, а наиболее репродуктивно ориентированные когорты продолжат мигрировать в агломерации, где их потенциал будет нивелирован городскими издержками;
- демографическое сжатие затронет сельские территории наиболее остро: при формально более высокой брачной и двухдетной интенции абсолютное число молодых людей на селе будет сокращаться из-за миграционного оттока, так что вклад села в общую рождаемость продолжит падать.

Выявленные риски требуют институциональных решений, адресующих структурные барьеры. Для городской молодёжи

важно преодоление барьера в качестве жизни: внедрение сертификатов на жильё под второго и третьего ребёнка, привязанных не к ипотеке, а к найму (для снижения дискриминации семей с детьми на рынке аренды); субсидирование мест в частных детских садах и продлёнках для снятия конфликта «карьера или уход за ребёнком», особенно актуального для городских матерей с высоким уровнем образования; формирование позитивного дискурса двух-трёхдетности через социальную рекламу и включение соответствующих сценариев в кинопродукцию и образовательные программы. Для сельской молодёжи речь идёт, скорее, о преодолении ресурсного дефицита: это могли бы быть программы возвратной миграции (предоставление жилищных сертификатов молодым семьям, переезжающим из городов на село при условии рождения третьего ребёнка в течение пяти лет); развитие мобильных форм дошкольного образования и телемедицины для снятия инфраструктурного дефицита (основного фактора оттока семей с детьми из села); создание сельских семейных кластеров (объединений 5–10 семей с коллективным уходом за детьми и взаимопомощью) с государственным софинансированием, что позволит снизить издержки многодетности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шаповалова И.С., Благорожева Ж.О. Матримониальные стратегии региональной молодёжи: типология, диспозиции, динамика // Интеграция образования. 2025. Т. 29. № 4. С. 711–733. DOI: 10.15507/1991-9468.029.202504.711-733. EDN: TWDSOI.
2. Вержибок Г.В. Семейные ценности студенческой молодёжи как матрица построения будущего // Южно-российский журнал социальных наук. 2018. Т. 19. № 3. С. 75–95. EDN: YA/FSP.
3. Ростовская Т.К., Шабунова А.А., Калачикова О.Н. Брачно-семейные представления студенческой молодёжи: по результатам авторского исследования // Женщина в российском обществе. 2023. № 3. С. 31–42. DOI: 10.21064/WinRS.2023.3.3. EDN: IVVVAZ.
4. Семенцова К.Р. Брачно-семейное поведение молодёжи в современном российском обществе: установки и ценности // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. Т. 12. № 4. С. 109–113. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-4-109-113. EDN: WKLLZX.
5. Попова Л.А. Репродуктивные установки молодых реальных поколений в условиях усиления мер демографической политики // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2022. № 2. С. 95–111. DOI: 10.15593/2224-9354/2022.2.7. EDN: NBCSGD.

6. Вишневский Ю.Р., Дидковская Я.В., Зырянова О.Б. Матримониальные и репродуктивные установки молодёжи в контексте безопасности молодой семьи // *Женщина в российском обществе*. 2024. № 1. С. 40–55. DOI: 10.21064/WinRS.2024.1.3. EDN: BRHDYG.
7. Поленова М.Е., Лазуренко Н.В., Подпороина Н.Н., Королёва К.Ю. Матримониальное поведение студенческой молодёжи в контексте изучения социального здоровья (гендерный аспект) // *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*. 2023. Т. 31. № 1. С. 765–773. DOI: 10.32687/0869-866X-2023-31-s1-765-773. EDN: VZYRHE.
8. Ростовская Т.К., Князькова Е.А. Репродуктивные установки в российском обществе: по данным всероссийского социологического исследования // *Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ)*. Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14. № 2. С. 121–129. DOI: 10.17213/2075-2067-2021-2-121-129. EDN: MIPPYF.
9. Гурко Т.А., Тарченко В.С. Динамика брачных установок и планов студентов // *Социологические исследования*. 2019. № 7. С. 102–113. DOI: 10.31857/S013216250005797-9. EDN: IQARLC.
10. Шабунова А.А., Калачикова О.Н., Груздева М.А. Сельская и городская молодёжь: социокультурные разрывы сохраняются? // *Народонаселение*. 2022. Т. 25. № 2. С. 39–51. DOI: 10.19181/population.2022.25.2.4. EDN: QMWDZZ.
11. Вяльшина А.А. Отношение студентов к детям и родительству: гендерные и сельско-городские сопоставления // *Народонаселение*. 2024. № 1. С. 132–146. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-132-146. EDN: BHHCXW.
12. Шаповалова И.С., Заводян И.С. Молодёжное социоселфи: социальные стратегии региональной молодёжи // *Регионология*. 2024. Т. 32. № 4 (129). С. 768–792. DOI: 10.15507/2413-1407.129.032.202404.768-792. EDN: ZBBIWU.
13. Кисиленко А.В., Шаповалова И.С. Проектирование жизненного пути или каким молодёжь видит своё будущее? // *Социологические исследования*. 2023. № 2. С. 83–94. DOI: 10.31857/S013216250024385-6. EDN: ODCAGO.
14. Благорожева Ж.О. Семейные стратегии региональной молодёжи // *Научный результат. Социология и управление*. 2022. Т. 8. № 3. С. 91–102. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-7. EDN: BXYIMU.
15. Благорожева Ж.О., Шаповалова И.С. Влияние альтернативных ценностей и установок на матримониальные стратегии молодёжи // *Социальная политика и социология*. 2024. Т. 23. № 2 (151). С. 30–39. DOI: 10.17922/2071-3665-2024-23-2-30-39. EDN: HTXQXM.

Matrimonial Strategies of Urban and Rural Youth: Who Will Improve Demography?

Shapovalova Inna Sergeevna — Doctor of Sociological Sciences, Head of the Department of Sociology and Youth Work, Belgorod State National Research University (BelSU).

E-mail: shapovalova@bsuedu.ru

Blagorozheva Zhanna Olegovna — Associate Professor, Senior Lecturer at the Department of Sociology and Youth Work, BelSU.

E-mail: blagorozheva@bsuedu.ru

The article is devoted to verifying differences in matrimonial dispositions, life plans, and the level of support for alternative matrimonial ideologies among young people from different types of settlements. The empirical basis consists of the results of monitoring youth social strategies conducted in December 2025 in Belgorod Oblast (N = 5,000; quota sample representing sex, age, type of settlement, and territory of residence).

The results show the dominance of the traditional matrimonial type across all types of settlements, while confirming its greater prevalence among rural youth. However, strong marital

intentions in rural areas coexist with the unification of reproductive norms. A systematic gap is also identified between readiness to care for elderly parents and expectations of similar care from one's own children; this gap reaches its maximum in rural areas. Alternative matrimonial strategies are most widespread in small towns, which makes it possible to speak of a "small-town syndrome" as a specific zone of institutional risk.

The main conclusions of the article refute the hypothesis that rural youth constitute a priority demographic resource: traditional value orientations in rural areas are not converted into larger families because of the unification of reproductive norms and infrastructure deficits, whereas urban youth, possessing resources, demonstrate a rational transition to a one-child model. Inter-generational asymmetry in rural areas creates the phenomenon of the "last traditional generation", which assumes obligations toward elders without the possibility of receiving symmetrical support from younger generations. The policy implications of the study require shifting the focus of family and demographic policy from a geographical target group to structural and resource barriers that differentiate young people not by settlement type but by socio-economic characteristics.

Keywords: rural youth, urban youth, matrimonial strategies, matrimonial dispositions, life plans, life strategies

REFERENCES

1. Shapovalova I.S., Blagorozheva Zh.O. Matrimonial'nye strategii regional'noi molodyozhi: tipologiya, dispoziitsii, dinamika // Integratsiya obrazovaniya. 2025. T. 29. № 4. S. 711–733. DOI: 10.15507/1991-9468.029.202504.711-733. EDN: TWDSOI (in Russian).
2. Verzhibok G.V. Semeinye tsennosti studencheskoi molodyozhi kak matritsa postroeniya budushchego // Yuzhno-rossiiskii zhurnal sotsial'nykh nauk. 2018. T. 19. № 3. S. 75–95. EDN: YAJFSP (in Russian).
3. Rostovskaya T.K., Shabunova A.A., Kalachikova O.N. Brachno-semeinye predstavleniya studencheskoi molodyozhi: po rezul'tatam avtorskogo issledovaniya // Zhenshchina v rossiiskom obshchestve. 2023. № 3. S. 31–42. DOI: 10.21064/WinRS.2023.3.3. EDN: IVVVAZ (in Russian).
4. Sementsova K.R. Brachno-semeinoye povedenie molodyozhi v sovremennom rossiiskom obshchestve: ustanovki i tsennosti // Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta. 2022. T. 12. № 4. S. 109–113. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-4-109-113. EDN: WKLLZX (in Russian).
5. Popova L.A. Reproktivnye ustanovki molodykh real'nykh pokolenii v usloviyakh usileniya mer demograficheskoy politiki // Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie nauki. 2022. № 2. S. 95–111. DOI: 10.15593/2224-9354/2022.2.7. EDN: NBCSGD (in Russian).
6. Vishnevskii Yu.R., Didkovskaya Ya.V., Zyryanova O.B. Matrimonial'nye i reprodktivnye ustanovki molodyozhi v kontekste bezopasnosti molodoi sem'i // Zhenshchina v rossiiskom obshchestve. 2024. № 1. S. 40–55. DOI: 10.21064/WinRS.2024.1.3. EDN: BRHDYG (in Russian).
7. Polenova M.E., Lazurenko N.V., Podporinova N.N., Korolyova K.Yu. Matrimonial'noye povedenie studencheskoi molodyozhi v kontekste izucheniya sotsial'nogo zdorov'ya (gendernyi aspekt) // Problemy sotsial'noi gigieny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny. 2023. T. 31. № 1. S. 765–773. DOI: 10.32687/0869-866X-2023-31-s1-765-773. EDN: VZYRHE (in Russian).
8. Rostovskaya T.K., Knyaz'kova E.A. Reproktivnye ustanovki v rossiiskom obshchestve: po dannym vserossiiskogo sotsiologicheskogo issledovaniya // Vestnik Yuzhno-Rossiiskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta (NPI). Seriya: Sotsial'no-ekonomicheskie nauki. 2021. T. 14. № 2. S. 121–129. DOI: 10.17213/2075-2067-2021-2-121-129. EDN: MIPPYF (in Russian).
9. Gurko T.A., Tarchenko V.S. Dinamika brachnykh ustanovok i planov studentov // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2019. № 7. S. 102–113. DOI: 10.31857/S013216250005797-9. EDN: IQARLC (in Russian).

10. Shabunova A.A., Kalachikova O.N., Gruzdeva M.A. Sel'skaya i gorodskaya molodyozh': sotsiokul'turnye razryvy sokhranyayutsya? // Narodonaselenie. 2022. T. 25. № 2. S. 39–51. DOI: 10.19181/population.2022.25.2.4. EDN: QMWDZZ (in Russian).
11. Vyal'shina A.A. Otnoshenie studentov k detyam i roditel'stvu: gendernye i sel'sko-gorodskie sopostavleniya // Narodonaselenie. 2024. № 1. S. 132–146. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-132-146. EDN: BHHCXW (in Russian).
12. Shapovalova I.S., Zavodyan I.S. Molodyozhnoe sotsioselfi: sotsial'nye strategii regional'noi molodyozhi // Regionologiya. 2024. T. 32. № 4 (129). S. 768–792. DOI: 10.15507/2413-1407.129.032.202404.768-792. EDN: ZBBIWU (in Russian).
13. Kisilenko A.V., Shapovalova I.S. Proektirovanie zhiznennogo puti ili kakim molodyozh' vidit svoyo budushchee? // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2023. № 2. S. 83–94. DOI: 10.31857/S013216250024385-6. EDN: ODCAGO (in Russian).
14. Blagorozheva Zh.O. Semeinye strategii regional'noi molodyozhi // Nauchnyi rezul'tat. Sotsiologiya i upravlenie. 2022. T. 8. № 3. S. 91–102. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-7. EDN: BXYIMU (in Russian).
15. Blagorozheva Zh.O., Shapovalova I.S. Vliyanie al'ternativnykh tsennostei i ustanovok na matri-monial'nye strategii molodyozhi // Sotsial'naya politika i sotsiologiya. 2024. T. 23. № 2 (151). S. 30–39. DOI: 10.17922/2071-3665-2024-23-2-30-39. EDN: HTXQXM (in Russian).